ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА КОРАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В XVI–XVII ВВ.: ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД СУРЫ «ОЧИЩЕНИЕ ВЕРЫ» (1572)

ЗАЙЦЕВ

Илья Владимирович,

д-р. ист. наук, доц., ВРИО директора
Института научной информации
по общественным наукам Российской
академии наук (117997, Россия,
г. Москва, Нахимовский проспект,
д. 51/21); доц. каф. стран Центральной
Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1); вед. науч. сотр. Института
востоковедения РАН (107031, Россия,
Москва, ул. Рождественка, д. 12)
E-mail: ilyaaugust@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются данные о знакомстве русских людей с текстом Корана в XVI–XVII вв. Текст Корана использовался в дипломатическом церемониале для принесения присяги мусульманами. Переводчики Посольского приказа не только довольно неплохо владели коранической терминологией, которая употреблялась в дипломатических документах, но даже весьма удачно переводили на русский отдельные обороты и целые аяты. Как показывают тексты Посольской книги по связям с Османской империей, первый дошедший до нас русский перевод фрагмента коранического текста суры الإخلاص («Очищение веры») непосредственно с оригинала следует датировать 1572 г.

Ключевые слова: Священный Коран, переводы на русский язык, Ислам в России в XVI–XVII вв.

Принято считать, что в Московской Руси текст Корана был практически неизвестен. Признанные авторитеты в области истории ислама в России сходились в неутешительном мнении, что уровень знаний об этой религии был у нас довольно низок.

Так, например, академик А.Е. Крымский писал: «Русская литература чрезвычайно бедна не только оригинальными, но даже и переводными сочинениями о Мохаммеде: как ни странно, но Россия, несмотря на то что исстари имела мусульманских подданных, всегда отличалась невежеством насчет их истории, религии и т. д.»¹

«Исламоведные сведения, накопившиеся в Московской Руси, сами по себе были довольно значительны, но отличались большой разрозненностью и случайностью, чаще всего представляли полемику против фантастического, созданного легендой, призрака ислама, который имел очень мало общего с исторической действительностью. Из этого мутного источника и черпался основной

¹ Крымский А.Е. История мусульманства. 3-е изд. М.–Жуковский: Кучково Поле, 2003. С. 157.

материал» — так отзывался об уровне знаний об исламе на Руси академик И. Ю. Крачковский¹.

Наконец, видный теоретик-исламовед М. А. Батунский резюмировал эти наблюдения следующим образом: «Словом, в Московской Руси складывалась такая ситуация: знали мусульман, но не знали их религии, поскольку были твердо убеждены в том, что они, эти мусульмане, либо перейдут в христианство, либо перестанут быть политической, а значит, и духовной опасностью»².

Исходя из этого, исследователи относили первые попытки перевести Коран к петровскому времени, впрочем, не отказывая Московской Руси в знакомстве с Кораном, пусть и косвенном. «Только случайные сведения о Коране были в исторических и полемических сочинениях, большей частью переводных. При этом, однако, арабские списки Корана были известны и на Руси: на Коране приносили клятву послы мусульманских государств, присягали служилые мусульмане (большей частью татары), которых много было на российской службе»³.

Действительно, соприкосновение Русского государства с исламским миром имело следствием возникновение ряда проблем правового характера, в частности проблему удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианином и наоборот. Поначалу государство столкнулось с этим на торговом и дипломатическом поприще: словесные заверения дипломатов мусульманских стран в XV–XVIII вв. (чаще всего они и сами были мусульманами) обязательно снабжались разработанной до мельчайших деталей церемонией клятвы или заключением так называемой *шерти* (от араб. *шарт* — «договор, соглашение»). «Крайне важно было, чтобы иностранные дипломаты совершали присягу “по их вере”, “по их закону” — это давало более прочные гарантии соблюдения условий договора»⁴.

Присоединение большого числа мусульман к империи породило крайне важный юридический вопрос о возможности подчинения мусульманина христианской власти и юридического подтверждения его лояльности. С точки зрения мусульман, зачастую едва ли не единственной не порицаемой шариатом причиной пребывания мусульманина в христианской стране являлся выкуп пленных собратьев по вере⁵. С одной стороны, православное государство никогда не отрицало возможности и даже необходимости подчинения мусульман, но с другой стороны, необходимо было выработать процедуру приня-

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л.: АН СССР, 1950. С. 30.

² Батунский М. А. Россия и Ислам. Т. I. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 152.

³ Круминг А. А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 228.

⁴ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М.: Международные отношения, 1988. С. 176.

⁵ См. подробнее: Луис Б. Ислам и Запад. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.

тия этого подданства и удостоверения клятв. Опыт России показывает, что чаще всего конфликты между представителями двух великих религий решались в правовом поле. Московское государство (а потом и Россия) было единственной средневековой европейской страной, где издавна большое количество мусульман жило под христианской властью¹. В остальной христианской Европе мусульман практически не было.

С точки зрения христианского государства отношения с мусульманином регулировались принесением им клятвы («роты») с обязательным включением в ее текст указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств.

Коран был непременным атрибутом такой «роты» и подписания договорных обязательств (*шерти*), даже если его текст сам по себе не зачитывался: «И ты, господине, на той записи учини правду к государю нашему передо мною, положи ее на Куране», — следовало в говорить Семену Мальцову в Ногайской Орде мирзе Мухаммеду, который должен был подтвердить шертную запись (1560 г.)². В Москве в царском архиве специально для «дачи правды» крымским и турецким послам при русском дворе хранился экземпляр Корана³. «Крымской Ислам-Гирей царь и калга и нурадын дали, на куране шерть учинили...» — писалось в наказе посланных в 1646 г. в Индию к Джехан-шаху Н. Сыроежину и В. Тушканову⁴.

Совершать присягу мусульманина можно было в любом удобном для этого месте, но в идеале местом проведения присяги должна была быть мечеть или молитвенный дом⁵. Императрица Елизавета Петровна, которая не стремилась к увеличению числа мечетей на территории империи, все же в 1744 г. была вынуждена согласиться с сохранением определенного числа «потребных» мусульманских культовых сооружений, так как «живущие в России Татары Магометанского зако-

¹ Мусульмане жили и в Польско-Литовском государстве, однако их число там не сопоставимо с числом мусульман в Московии. Некоторые западные, а также исламские историки об этом часто забывают. Ср., например, утверждение турецкого исследователя, что Россия «не имела опыта совместного проживания христиан и мусульман» (Туран А. Н. Черты повседневного быта народа Крыма (XVII—XVIII вв.) // Культура народов Причерноморья. № 43. Симферополь, 2002. С. 305). Хотя большинству все же присущ здравый взгляд на вещи. Ср.: «Nonetheless, the Russia-Tatar relationship did (perhaps even does) have a familiarity, even an intimacy, that is missing in other imperial relationships between Christians and Muslims» (Bergne P. Review of Galina Emelianova. Russia and Islam: A Historical Survey // Journal of Islamic Studies. 2005. Vol. 16. P. 98).

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. С. 309.

³ Государственный Архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментариев А. А. Зиминова. Ч. 3. М., 1978. С. 506.

⁴ Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 56.

⁵ В реконструированном виде этот ритуал см.: Арапов Д. Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. № 2 (10). М., 2002; Арапов Д. Ю. Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X — первой трети XVIII века. М., 2006.

на приводятся к присягам по их законам в их мечетях»¹. Совершенно невозможно было производить мусульманскую присягу только в месте неискламского культа. Необходимо было присутствие толмача, для того чтобы проверить точность произносимого мусульманином текста, а также духовного лица (муллы). Порядок принесения присяги включал следующие процедуры: присягающий должен был непрерывно держать указательный и средний пальцы правой руки на тексте Корана, начинать со слов хвалы Аллаху, трижды поклясться именем Аллаха. Грамотные мусульмане подписывали текст клятвы сами, а за неграмотных прикладывали руку их близкие. На присяжном листе ставили оттиски личных печатей или пальцев присягающих. Именно так была оформлена «Утвержденная грамота» об избрании на царство Михаила Федоровича Романова в 1613 г. От имени мусульман России семь влиятельных татарских мурз высказались и поставили свои подписи под документом об избрании².

В отличие от христианской присяги, по отношению к мусульманам на Руси применялся ритуал клятвы («роты»). Сохранившиеся источники позволяют сделать вывод, что при заключении тех или иных условий между Московским правительством и мусульманином — представителем исламской державы, последние, как правило, в отличие от христиан различных толков, не давали «правду», а совершали «роту» (т. е. приносили клятву): указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств («запрещение») вносились в сам текст записи. Как известно, принесение клятвы христианином осуждалось, христианин мог только присягать, целуя крест³. Не случайно, когда в 1480 г. Менгли-Гирей вставил в «перемирную» грамоту слова о том, что в случае нарушения договора Иваном III последнему грозила кара, великий князь крест целовать отказался. Московскому послу в Крыму Ивану Звенцу приказывалось объяснять это так: «А учнет царь говорити о том, что в той грамоте в великого князя в крепостной не написано запрещения, как царь в своем списке писал. И князю Ивану то отговаривати так: тех, господине, слов по христьянскому закону немошно молвити, чтобы, господине, за те слова христьянину убиту бытии, а молвити того нелзе... Ино, господине, во христьянском законе тое правды, крестного целования, выше нет»⁴.

¹ ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. 15. № 8978.

² История Татарии в документах и материалах. М.–Л.: Соцэкгиз, 1937. С. 375; Арапов Д. Ю. Мусульмане и Российское государство // Преподавание истории в школе. 2001. № 4. С. 53.

³ Основанием для этого были евангельские слова: «А я говорю Вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше "да, да", "нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5: 34–37).

⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 41 (Памятники дипломатических

Мусульманин крест целовать, естественно, не мог, а, следовательно, для удостоверения действительности обязательств в текст клятвы обязательно вносилось «запрещение». Крымские послы, например, в начале XVI в. при совершении клятвы говорили: «И естли справедливе присягаю, боже, помози, а естли несправедливее, бо вышний забий на душе и на теле»¹. Формулы запрещения могли вноситься не только в текст устной клятвы, но и в письменные *шерти*. В шертной записи ногайского бия Исмаила, его детей и племянников московскому царю (1557) встречаем: «А солже, шерть наша на нас и на наших детех буди»². Невыполнение обязательств, с точки зрения мусульманина, навлекало кару на не выполнившего их. Ногайские мирзы, например, писали в Москву в 1537 г.: «И не пришлешь, ино шерть на твоей шее», «И мы не хотим своей правды порушители, кто порушит правду — тот порушит, а мы не рушим... И толко с нынешними послы не пришлешь нам того, что нам посулил, ино шерть на твоей шее»³.

Мусульманину запрещено клясться кем-либо, кроме Аллаха, его имен и атрибутов (в противном случае имеет место так называемый *ширк* — придание Аллаху сотоварищей). Клятва не Аллахом — грех, требующий покаяния⁴. Поэтому в текстах крымских и ногайских клятв и шертей встречаем обычно только упоминания Бога: «Слово у нас одно и Бог один»⁵.

Внесение в текст «роты» указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств стало неременной чертой всех мусульманских клятв в России вплоть до XIX в. Шертная запись нижегородских татар (русский перевод — 1840-е годы) содержала такой текст: «От искушения Дявола прибегаю к Тебе, Господи, я... обещаюсь и клянусь всемогущим моим Богом пред изданным Его Священным ал-Кораном, в том, что буду говорить самую правду о слышанном и виденном мною, не обольщаясь интересом, свойством или дружбою, соображая мои чувства с моими словами, изображенными в Законе Нашем, утверждаю сие тем, что если не скажу правды — тогда буду лишен:

— Милосердия Всевышнего Творца;

сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). СПб., 1884. С. 22.

¹ Цит по: Юзефович Л. А. Указ. соч. С. 178.

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. С. 250.

³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. С. 191–192.

⁴ «Аллах не взыскивает с вас за легкомыслие в ваших клятвах, но Он взыскивает с вас за то, что вы связываете клятвы [комментаторы понимают под этим выражением принесение намеренно двусмысленной клятвы. — И. З.]. Искушением этого — накормить десять бедняков средним из того, чем вы кормите свои семьи, или одеть их, или освободить раба. А кто не найдет, то — пост трех дней. Это — искупление ваших клятв, которыми вы поклялись. Охраняйте же ваши клятвы!» (Коран 5: 89).

⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 250.

- Истинной веры;
- Имени последователя Пророка;
- Молитвы обо мне потомков моих;
- Зрения Господа Бога во время Страшного Суда и Созерцания Его.

В заключение же моей Клятвы целую Слова Священного ал-Корана. Аминь. Аминь. Аминь»¹.

Схожая практика имела место и в Польско-Литовском государстве. Имеющиеся польские записи крымской клятвы (калги Кырым-Гирей султана и его приближенных, 1667 г.) подтверждают московские источники²: *Przysięgamy P. Bogu iedynemu, temu, który stworzył Niebo i ziemię, morze i wszystkie, że tego dotrzymamy wszystkiego i każdego z osobna z tych punktów, które są napisane, a ieżeli w czymkolwiek nie dotrzymamy i złomimy przysięgę naszą: Niech nas ten P. Bog, którego wzywamy, karze na tym i na tamtym świecie, i aby szabla nieprzyjacielska górę zawsze nad nami miała i nad potomkami naszymi. A to imieniem Hana J°Mci Soltana Nuradina, Galgi i inszych beiów, agów, Mirzów, calego Krymu i inszych ord i państw pod Hanem J°Mscią będących* («Присягаем Господу Богу единому, тому, который сотворил небо и землю, море и все [вокруг], что выполним все и каждый в особенности из написанных пунктов, а если в чем-либо не исполним и нарушим нашу присягу, то пусть нас Господь Бог, к которому взываем, покарает на том и на этом свете, а неприятельская сабля будет всегда над нами и над нашими потомками»).

Вероятно, текст клятвы со временем менялся: по крайней мере, несколько его русских записей не сводятся к одному раз и навсегда утвержденному. Первым зафиксированным примером был аят 91 из суры «Пчелы»: «Верно выполняйте договор с Аллахом, когда его заключили, и не нарушайте клятв после их закрепления: вы сделали Аллаха поручителем за вас. Поистине, Аллах знает то, что вы творите»³. По крайней мере, в одном из сохранившихся Коранов из собрания Российского государственного архива древних актов (РГАДА) имеется вклейка с русским текстом, выполненным московской скорописью конца XVII — начала XVIII в.: «В Куране на сей статье шертовать присто(и)но, а с той статьи перевод: Глава 15 О Пчеле именуемо(й) арапски Аджиль Все аще по Бозе обещастесь исполняйте и ничтоже противо клятвы своя да сотворите. Убо Бога призвасте во свидетельство своего

¹ Шертная клятва на Коране // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 200–201.

² *Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia*. Vol. II: Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Wyd. F. T. I. Cz. I. Kraków, 1880. S. 287.

³ Коран 16: 91 (перевод И. Ю. Крачковского).

«Будьте верны завету с Аллахом, если вы его дали; не нарушайте клятв после того, как вы их скрепите, ибо вы признали Аллаха своим поручителем. Воистину, Аллах ведаёт о том, что вы содеёте» (пер. М.-Н. О. Османова).

обещания, весть бо вся вами творимое»¹. Текст соответствующего аята в рукописи выписан золотом. Е.А. Резван считает эту запись первым дошедшим до нас русским переводом фрагмента коранического текста². Предполагается, что этот перевод делался с тюркского подстрочника. Однако, как мы покажем ниже, это не так.

Стоит сказать, что с отдельными кораническими пассажами в Москве познакомились еще раньше также путем дипломатического обмена. В богословской части формуляра джучидских (прежде всего крымских) грамот имелись коранические цитаты (*басмала* — формула «Во имя Бога, милостивого, милосердного»), которые в Посольском приказе переводились на русский. Так, в посланиях и шертных грамотах Саадет-Гирея и Сахиб-Гирея (1524 и 1531 гг.) встречаются такие обороты: «Бог богатый вся во всех исполняяи. Почали есмя Божиим именем, Бога дающего пищу, Бога очищающего грехи» или «Почали есмя Божиим именем, Бога дающеу пищу, Бога очищающего грехи»³.

Вероятно, выражение «Бог богатый» в начале русского текста грамоты ногайского мирзы Уруса (1560) является переводом формулы «Аллах велик»⁴. Встречаются в русских переводах и молитвенные формулы, основанные на кораническом тексте: «В Божьем бы заступлении нам быти, дай Боже, сотворитель Вселенную. Аминь»; «Мы в своем величестве здоровы, а и ты бы в своем величестве здоров был, дай Боже. Аминь»⁵. Нам уже приходилось писать о возможном кораническом источнике одного из оборотов русского перевода казанского дипломатического послания 1549 г.⁶

Очень яркий пример перевода целой суры содержит Посольская книга по связям с Османской империей. В декабре 1572 г. в Москву вернулся Андрей Иванович Кузьминский, который привез с собой грамоту Селима II Ивану IV, датированную 15 июля 979 г. х. В заголовке этой грамоты есть такие слова:

«Государь един Бог, ни от кого родился, ни от него не родился никто, и товарища ему нет, никто на него не походит»⁷. Вне всякого сомнения, это перевод на русский язык суры الإخلاص — «Очищение веры»

¹ Круминг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 228; Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д.А. Морозов. М.: Древлехранилище, 1996. С. 22.

² Резван Е.А. Казанское многоголосье: жить вместе, оставаясь разными // Светозарная Казань: Каталог выставки. [б.м.], 2005. С. 18. См. также: Круминг А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 228.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 86 об.

⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 327.

⁵ Там же. С. 85, 86.

⁶ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М.: Рудомино, 2004. С. 163–164.

⁷ РГАДА. Ф. 89 («Сношения с Турцией»). Оп. 1. Д. 2. Л. 224–227.

(112), известной также как سورة التوحيد («Единобожие») или الصمدية («Вечный»):

1. قُلْ هُوَ اللَّهُ أَحَدٌ
2. اللَّهُ الصَّمَدُ
3. لَمْ يَلِدْ وَلَمْ يُولَدْ
4. وَلَمْ يَكُنْ لَهُ كُفُوًا أَحَدٌ

В переводе И. Ю. Крачковского эта сура звучит так:
Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1. Скажи: «Он — Аллах — един,
2. Аллах, вечный;
3. Не родил и не был рождён,
4. И не был Ему равным ни один!»

Кажется, впервые на этот древнерусский перевод обратил внимание покойный Ш. Ф. Мухамедьяров. В письме 4 июля 1947 г. к своему учителю М. Н. Тихомирову он писал:

«Несмотря на вольность перевода этой суры в Посольской книге № 2, он правильно передает смысл текста... Это можно считать одним из фактов, свидетельствующих о значительном уровне культуры перевода с иностранного на русский в Посольском приказе конца XVI в. ... Даже при сравнении с... позднейшими переводами следует признать определенные достоинства за переводом из Посольской книги, хотя там и нет второго стиха»¹.

Таким образом, в XVI–XVII вв. переводчики Посольского приказа неплохо знали кораническую терминологию и довольно удачно переводили на русский отдельные обороты и целые айаты. Но перевода всего текста Корана сделано так и не было. Объяснялось это, конечно, особенностями работы переводчиков этого учреждения: вся деятельность была подчинена задачам точного, зачастую дословного перевода текстов посольской документации.

Первые попытки научного изучения и перевода Корана на русский язык принадлежат Петру I, который в русле своей восточной политики предпринимает целую серию мероприятий, положивших начало систематическому изучению мусульманского Востока в России². Уже в раннее петровское время начинаются активные поиски переводчика Корана на русский. Однако царя ждала в этих попытках неудача. Текст, который мы публикуем ниже, датирован 28 сентября 1697 г.:

¹ Архив РАН. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед.хр. 415. Л. 4, 4 об.

² Резван Е. А. Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006. С. 203.

«А сентября КИ день нынешняго СЕ года Великому государю докладывал в его государском походе в селе Преображенском боярин князь Борис Алексеевич Голицын, что новокрещен, о котором он напред сего ему, великому государю докладывал, которой живет у него, о переводе взятой турецкой книги Алкорана, той турецкой книги Алкорана подлинно на словенской ярлык перевесть не умеет и толку ее сказать не знает, потому что она писана высоким арапским языком. Да и в турках де многие люди тое книгу чтут, а толку ей не знают. И он новокрещен хотя и прочтет, тол(б)ко перевесть не может»¹.

Поиски переводчика Корана непосредственно с арабского успехом в петровское время не увенчались. Именно поэтому, видимо, и было решено переводить Коран с французского текста Дю Рие. Первый перевод был напечатан в декабре 1716 г. Имени его автора мы не знаем, но, судя по количеству грубых ошибок и неточностей, совершенно очевидно, что этот человек знал французский неважно. Ближе ему была латынь. Другой — более качественный — перевод того же французского текста выполнил дипломат Петр Васильевич Постников. Его труд, законченный не позднее 1725 г., так и остался неизданным и известен по двум рукописям².

Итак, как мы видим, в XVI–XVII вв. переводчики Посольского приказа не только довольно неплохо владели коранической терминологией, которая употреблялась в дипломатических документах, но даже весьма удачно переводили на русский отдельные обороты и целые айаты. Как показывают тексты Посольской книги по связям с Османской империей, первый дошедший до нас русский перевод фрагмента коранического текста (суры الإخلاص — «Очищение веры») непосредственно с оригинала следует датировать 1572 г.

Источники

Архив Российской академии наук. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 415.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 («Сношения с Турцией»). Оп. 1. Д. 2 (1569–1590).

Российский государственный архив древних актов. Ф. 137 («Боярские и городовые книги»). Оп. 1 (Новгород). Д. 137.

¹ РГАДА. Ф. 137 («Боярские и городовые книги»). Оп. 1 (Новгород). Д. 137. Л. 497.

² Круминг А. А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 231–237. Впрочем, до сих пор встречаются утверждения, что автором перевода, изданного в 1716 г., был Постников (Алиев А. Коран в России: источник знаний или объект мифотворчества? М.: Дружба народов, 2004. С. 120).

Литература

Алиев А. Коран в России: источник знаний или объект мифотворчества? М.: Дружба народов, 2004.

Арапов Д. Ю. Мусульмане и Российское государство // Преподавание истории в школе. 2001. № 4.

Арапов Д. Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. № 2 (10). М., 2002.

Арапов Д. Ю. Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X — первой трети XVIII века. М., 2006.

Батунский М. А. Россия и Ислам. Т. I. М.: Прогресс-традиция, 2003.

Государственный Архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. Ч. 3. М., 1978.

Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М.: Рудомино, 2004.

История Татарии в документах и материалах. М.—Л.: Соцэкгиз, 1937.

Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / сост. Д. А. Морозов. М.: Древлехранилище, 1996.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л.: АН СССР, 1950.

Круминг А. А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994.

Крымский А. Е. История мусульманства. 3-е изд. М.—Жуковский: Кучково Поле, 2003.

Луис Б. Ислам и Запад. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. 15.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006.

Резван Е. А. Казанское многоголосие: жить вместе, оставаясь разными // Светозарная Казань. Каталог выставки. [б.м.], 2005.

Резван Е. А. Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006.

Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

Сборник императорского Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 41 (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). СПб., 1884.

Туран А.Н. Черты повседневного быта народа Крыма (XVII — XVIII вв.) // Культура народов Причерноморья. № 43, Симферополь, 2002.

Шертная клятва на Коране // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...» М.: Международные отношения, 1988.

Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II: Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Wyd. F. Kluczycki. T. 1. Cz. I. Kraków, 1880.

Bergne P. Review of Galina Emelianova. Russia and Islam: A Historical Survey // Journal of Islamic Studies. 2005. Vol. 16.

HISTORY OF THE TRANSLATIONS OF THE HOLY QURAN INTO RUSSIAN LANGUAGE BEFORE PETER THE GREAT: THE FIRST TRANSLATION OF SŪRAT AL-IKHLĀṢ (SŪRAT AL-TAWHĪD) (1572)

Ilya V. ZAYTSEV,

Cand. Sci. (History), acting director at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117997, Russian Federation); associate professor at Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Department of Central Asia and Caucasus (11 str.1, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russian Federation); Senior Research Fellow at Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation).

Abstract. The paper analyzes the data about the acquaintance of Russian people with the text of the Holy Quran in the 16th and 17th centuries. Muslims often used Quranic suras in diplomatic ceremonies of adjuration (i.e. oath rite). Translators and interpreters of the Muscovite Ambassadors Office (Posolskiy Prikaz) were conversant enough with the Quranic terminology used in diplomatic documents and therefore were able to translate whole ayahs from Arabic into Russian. Thus, we can find the very first Russian translation of the sūrat al-Ikhlāṣ in the records of relations with the Ottoman Empire as early as in 1572.

Keywords: Holy Quran, translations into Russian, Islam in Russia before 1700.